30 дней в новом Китае

Г. УЛАНОВА
Народная артистка СССР

Шестого ноября наш самолет приземлился на аэродроме Пекина, где нас встречало множество людей. Большая часть делегации деятелей советской культуры, прибывшей на месячник советско-китайской дружбы, посвященный тридцатипятилетию Великой Октябрьской социалистической революции, уже находилась к тому времени в Китае. В составе делегации были ученые, артисты, работники кино. Месячник проходил в стране как большой всенародный праздник. Повсюду — от столицы Китая до маленькой деревни под Кантоном, от города студентов возле Учаня до громадного Шанхая с его пятью миллионами жителей — нас встречали изъявлениями самой искренней любви, самой горячей преданности, восторга и восхищения.

И как бы успешно ни проходили наши концерты, я полна уверенности в том, что все овации и аплодисменты, приветственные возгласы на китайском языке и слово «повторить», которое беспрестанно раздавалось в многотысячных аудиториях по-русски, — дань не только и не столько советскому искусству, нашему скромному артистическому труду, но прежде всего нашей великой Родине — ее могучей культуре, ее великому примеру в строительстве новой жизни.

Новая жизнь рождается и побеждает в Китае — стране древнейшей цивилизации мира. Новая жизнь дышит в пьесах драматургов и в прелестных по яркости красок и лаконичности сюжетов картинах художников; новая жизнь вносит счастье в дома китайских крестьян и вдохновляет стахановское движение на шахтах Фусина, где широко используется технический опыт советских шахтеров.

Везде и повсюду видны в Китае ростки нового — этого нельзя не заметить, на это нельзя не обратить внимание...

И нельзя не восхищаться этими успехами, этой могучей жизненной энергией великого народа, отдающего все силы строительству своей чудесной родины.

***

Мы еще не успели отдохнуть от утомительного перелета из Москвы — прошло всего лишь два часа после нашего прибытия в Пекин, как нам сказали, что нас может принять Мао Цзэ-дун. Усталость мгновенно прошла, — так велико было желание увидеть вождя китайского народа, говорить с ним.

Правительственный дворец, в котором мы впервые встретились с товарищем Мао Цзэ-дуном, как и большинство зданий в Китае, построен из дерева. Это одно из старейших сооружений Пекина. Огромные двери, покрытые красным лаком и расписанные золотыми драконами, ведут в изумительные по красоте залы.

В одном из залов ждал нас товарищ Мао. С ним были Чжоу Энь-лай и вдова Сунь Ят-сена, Сун Цзин-лин, — женщина необыкновенной мягкости и обаяния. Мао Цзэ-дун приветливо поздоровался с каждым из нас, расспросил о дороге, о наших планах и намерениях, рассказал о Китае, о его новой жизни. Он с большим радушием пошел навстречу высказанному нами желанию всесторонне ознакомиться с жизнью Китая.

7 ноября — после приема в советском посольстве по случаю годовщины Великого Октября — мы осматривали красавец-Пекин.

Представьте себе ступенчатый подъем от одного окруженного зеленью здания к другому, создающий ощущение, что вы поднимаетесь к небу. Это знаменитый Храм Неба. Все здания его деревянные, под бамбуковыми крышами, украшены керамикой необыкновенной яркости и красоты — зеленой, желтой, красной... Колонны, сделанные из цельных стволов деревьев, красочно расписаны или покрыты художественной резьбой.

Зимний императорский дворец в Пекине состоит из бесконечного числа одноэтажных зданий, окруженных внутренними двориками и наполненных необыкновенными по красоте предметами. Каменные сосуды эпохи Чжоу, отстоящей от нашей эры на тысячу лет, бронзовые зеркала, украшенные с обратной стороны изображениями птиц, зверей и виноградных гроздьев, каменные рельефы эпохи династии Хань, живопись по шелку эпохи династии Тан, керамика X—XIII веков эпохи династии Сун, огромные картины, вышитые шелком, — все это пленяет взор и покоряет воображение своей красотой... Мы видели часы с действующими водопадами из освещенного разноцветными огнями хрусталя, птицами, порхающими по ветвям деревьев и поющими разными голосами, как в андерсеновском «Соловье», маленькими фигурками людей, которые церемонно кланяются друг другу и танцуют под звуки музыки...

Все это напоминает сказку далекого детства, и все это было живо и полно радости потому, что впервые двери дворцов с их сокровищами открылись перед простыми людьми, которые ныне свободно расхаживают по залам этого государственного музея, гуляют в парках летней резиденции китайских императоров под Пекином, катаются по озеру в легких лодочках, смеются, поют, отдыхают после напряженного трудового дня.

Очень живописное впечатление производит Народный базар, состоящий из крытых помещений, где продаются самые разнообразные вещи — от антикварных, бесценных серег из старой бронзы до современной самопишущий ручки, от изделий из нефрита и китайских фонариков до натуральных камней с фантастическими прожилками и пятнами, которые, будучи покрыты лаком, производят впечатление настоящих картин с горами, светлыми облаками и летящими птицами.

Знакомство наше с китайским театром началось с классической оперы. Репертуар классического оперного театра насчитывает более трехсот названий, но сейчас идут далеко не все произведения. Особенно любима и часто показывается в Пекине и других городах опера «Белая змейка». Эту сказку мы и видели. Как и в других классических операх, главное здесь — речитатив. Музыка весьма своеобразна и ничего общего с привычной нам оперной музыкой, с симфоническим оркестром не имеет.

Начать с того, что оркестр находится не перед сценой, а за кулисами. Состоит он главным образом из барабанов, литавров, тарелок и инструментов, напоминающих гитары и скрипки, только с очень малым количеством струн. Музыка особенно громко звучит, когда должно произойти значительное событие, например, смерть злого героя. Если же умирает добрый человек, музыка тиха, спокойна и даже благоговейна. Непременная принадлежность каждой классической оперы, в которой много акробатики и виртуозного жонглирования, — бой между злыми и добрыми силами.

Виденная нами опера повествует о судьбе двух змеек — Белой и Голубой, которые превратились в прекрасных девушек. На Белой женился красивый юноша. Голубая осталась жить со своей подругой, и все шло хорошо до тех пор, пока злой монах (в китайском театре монахи всегда злы) не рассказал счастливому супругу, что его жена вовсе не женщина, а змейка-волшебница. Перепуганный муж уходит от своей жены. Убитая горем Белая змейка начинает розыски мужа. Во многих актах рассказывается о ее поисках. Вот молодая женщина появляется на священном озере, где некогда встретились возлюбленные, вот она проходит по мрачным ущельям и расселинам. Движения исполнительницы так совершенны, что почти без всяких декораций видно, как идет она по несуществующему мосту, над пропастями и меж скал; голос ее так выразителен, что, не зная языка, понимаешь мольбы, которые она обращает к духам, прося их помочь обрести любимого...

И вот со дна озера поднимаются духи — злые и добрые. Они вступают в бой. Эта сцена сделана с такой великолепной выдумкой, выполнена так технически безупречно, что нельзя не восторгаться исключительным мастерством актеров. Сочетание крайней условности с предельным реализмом придает этому зрелищу совершенно особое своеобразие.

***

Большое впечатление произвела на нас школа старейшего китайского артиста Мей Лань-фана, в которой воспитываются мальчики и девочки, начиная с девятилетнего возраста. Они живут тут же, в интернате, на всем готовом. У них прекрасные педагоги и воспитатели. Сам Мей Лань-фан по-отечески заботится о своих питомцах.

Нам показали несколько упражнений, с помощью которых развивают у детей гармонию, пластику и свободу движений.

Девочки, одетые в длинные, узкие и прямые платья, двигаются крошечными шагами, настолько ритмичными и плавными, что создается впечатление, будто они плывут, как «плывут» исполнители грузинского лекури или некоторых русских танцев из репертуара нашей «Березки». Пленяют движения рук и головы, грациозные приседания, отдаленно напоминающие глубокие реверансы: девочки почти опускаются на одно колено движением, прелестным по своей завершенности и женственности...

После упражнений малышей лучшие выпускники школы, получившие премии на проходившем недавно в Пекине фестивале классической оперы, сыграли отрывок из той же «Белой змейки». В сцене боя принимали участие и дети, показавшие совершенные образцы ритмичности и четкости движений. Интересно, что еще недавно, когда Мей Лань-фан выступал на сцене, он сам исполнял Белую змейку, а его сын — прекрасный артист, работающий в той же школе, и ныне исполняет роль Голубой змейки.

На следующий день Мей Лань-фан выступал специально для нас — советских артистов, и я должна сказать, что это зрелище вряд ли когда-либо забудется, — так талантлив исполнитель, так умеет он перевоплощаться, так бесподобно владеет жестом рук, где движение каждого пальца полно красоты.

Мей Лань-фан показал нам сцену опьянения наложницы мандарина. Это было как волшебство: только что он разговаривал с нами, элегантный пожилой мужчина, немного усталый, немного задумчивый... И вдруг, спустя мгновенье, мы увидели на сцене прелестную молодую женщину, которая в ожидании своего повелителя, скучая, пьет вино. Постепенно она пьянеет. Мы видим это по движениям ее рук, по взгляду, двум-трем сделанным шагам... Но главное — руки. Когда Мей Лань-фан закончил сцену, я не удержалась и попросила его показать свои руки, пытаясь уловить «тайну» их выразительной силы.

Конечно, тут трудно что-нибудь увидеть, ибо это великое искусство движения и жестов — результат огромного труда и такого же таланта, умноженных многовековой традицией национального театра.

В Пекине работает Театральный институт, который можно назвать «комбинатом искусства». Все, что так или иначе связано с театром — музыкальное творчество и исполнительство, работы декораторов, скульпторов, артистов, — представлено в этом учреждении, где совершенствуются профессионалы или наиболее способные участники самодеятельности. Участники самодеятельности, пройдя курс в Пекинском институте, непременно возвращаются в свой район, в свою провинцию, чтобы содействовать там развитию народного искусства.

В этом институте мы видели два очень интересных танца — «С длинными рукавами» и «С мечами». Первый исполняли двенадцать женщин. Рисунок танца, разнообразие линий, по которым они двигались, плавность и пластичность рук необыкновенны. Второй — воинственный мужской танец исполняли две женщины, которые жонглировали мечами и, танцуя, как бы вступали в бой.

***

Много интересного и нового в жизни китайского народа мы увидели по пути из Пекина на юг. Провинция Ухань, расположенная на берегах китайской Волги — реки Ян Цзы, — славится текстильными фабриками Ханьяни, городком студентов в Учане, театром в Ханькоу. В этом театре нам показали отрывки из «Белой змейки» и сцену из современной оперетты. Музыка оперетты весела и мелодична, представление хоть и условно, но совершенно понятно даже не знающим китайского языка: две девочки лет 14-15 изображают на почти пустой сцене, как они тянут тележку, нагруженную зерном нового урожая, чтобы сдать его раньше других на государственный заготовительный пункт. Появляются двое юношей, направляющихся туда же. Они поддразнивают девочек: а мы, дескать, быстрее! И в этот момент у девочек что-то случается с тележкой, кажется, ломается колесо (разумеется, все это воображаемое, но отлично «видимое» — так хорошо играют юные актрисы). Они просят парней помочь им, но те отказываются: тогда, мол, отстанем мы сами. «Но ведь это — наше общее дело!» — восклицают девушки, и парням нечего возразить — быстро исправляется под веселую песню поломка, и молодые люди вместе продолжают свой путь.

Из Ханькоу, переехав Ян Цзы на катере, мы прибыли в Учань. В десяти километрах от него, на берегу озера Дон Ху, на гористом зеленом плато расположен городок студентов. В Учаньском университете учатся три тысячи юношей и девушек. Аудитории — в отдельных небольших домах, между которыми студенты курсируют на велосипедах. В университете — ряд гуманитарных и технических факультетов. В лаборатории гидротехнических сооружений мы видели, как студенты испытывают макет плотины, которая должна укротить Ян Цзы, избавить население от пагубного действия ее разливов.

Едва весть о нашем приезде разнеслась среди студентов, как стихийно вспыхнул митинг. И снова, как и всюду, мы слышали слова дружбы и признательности, снова раздавались здравицы в честь И. В. Сталина и Мао Цзэ-дуна.

Кантон — центр Южного Китая — встретил нас по-летнему: 28 градусов тепла, цветущие деревья, яркие плоды, синь неба, обжигающее солнце... Но еще более тепло встретили нас жители города — на всем пути нашего следования, от аэродрома до центра города, дома были украшены лентами, цветами и фонариками. Всю эту дорогу — десять километров — машины наши шли со скоростью прогуливающегося человека под непрерывным дождем цветов и конфетти. Беспрестанно раздавались приветственные возгласы в честь Советского Союза и товарища Сталина. Вдоль улиц сплошной стеной стояли люди. Казалось, встречать советских друзей вышел весь город. В первом ряду стояли знатные люди нового Кантона и близлежащих сел. Переводчица то и дело называла нам имена передовых рабочих местных предприятий, организаторов первых сельскохозяйственных кооперативов, школьников, студентов, деятелей науки, литературы, искусства... Наконец, мы выехали на широкие, тоже празднично украшенные стягами и цветами улицы и остановились у самого высокого здания города — двенадцатиэтажной гостиницы.

Из окна моего номера, расположенного на десятом этаже, открывался восхитительный вид на реку Жемчужную, по которой, как автомобили по улице Горького в Москве, сновали баржи, шхуны, большие суда и маленькие джонки.

В Китае новь ощущается с каждым днем все сильнее.

Эту всепобеждающую новь мы видели и в вывеске правления нового сельскохозяйственного кооператива в небольшой деревне под Кантоном, и в том, с каким достоинством рассказывали нам крестьяне о своих делах. Еще недавно жители этой деревушки, растившие драгоценный сахарный тростник и рис, бамбук и бананы, питались древесными кореньями. Смерть от голода считалась здесь явлением совершенно нормальным... Сейчас все, что растет на этой благодатной земле, принадлежит народу, как и сама земля. Впервые за долгие годы здесь нет голода. Крестьяне — и это важнее всего — почувствовали себя хозяевами страны.

В Кантоне мы выступали в прекрасном театре имени Сунь Ят-сена. Зрительный зал его рассчитан на шесть тысяч мест. Очень красива бамбуковая крыша театра, сделанная без единого гвоздя и украшенная разноцветной глазурью.

Огромное впечатление произвел на нас этот город, поразивший своей волшебной природой, его радостные, красивые и веселые люди, еще и еще раз давшие нам почувствовать, какие тесные, неразрывные узы соединяют наш народ с народом Китая.

Вечером, после приема, устроенного мэром города, мы вышли в парк, окружавший дом, куда нас пригласили. Нам показалось, что десятки разукрашенных, сверкающих елок окаймляют аллеи, что среди деревьев светится и переливается вода невидимого бассейна, что где-то неподалеку поют птицы... На самом деле мы увидели темнозеленые пушистые деревья, ветви которых были украшены бесчисленными разноцветными фонариками. Бассейном оказалась площадка для танцев, устроенная в низине, точно в чаше, и освещенная таким образом, что создавалась полная иллюзия чуть колеблющейся водной глади. Невидимый оркестр наигрывал прелестные китайские мелодии. Время от времени появлялись певец или певица — они пели небольшие и гармоничные пьесы... Так закончился наш первый день в Кантоне.

А назавтра мы осматривали город, музей истории Коммунистической партии Китая, Городской музей, расположенный на горе в здании, построенном пятьсот лет назад. Под горой — огромный стадион на 60 тысяч зрителей. Здесь нам предстояло выступить в дневном концерте.

Путь по воздуху из Кантона в Шанхай занимает четыре часа. Потом пять с половиной часов по железной дороге, и вот мы в Ханьчжоу. В городе много красивых озер, старинных храмов, изображений богов, высеченных прямо в скалах, окружающих дорогу, ведущую к храму Будды. Изображение Будды сделано из дерева, покрытого цветным лаком. Пьедестал статуи окружен художественной резной решеткой. Возле близлежащего храма Желтого дракона в скале высечена его голова, из которой все время бежит тоненькая струйка воды. Народное предание гласит, что, выкупавшись в этой воде, можно обрести бессмертие.

***

Вернувшись из тихого Ханьчжоу в Шанхай, мы были потрясены встречей на вокзале. Привокзальная площадь, заполненная людьми, казалась морем колышущихся цветов. Лучи прожекторов рассекали вечерний сумрак. В воздухе раздавались возгласы: «Да здравствует Сталин! Да здравствует дружба Сталина и Мао! Да здравствует Мао Цзэ-дун!».

Приехав в гостиницу, я нашла в своем номере станок и большое зеркало — все, чтобы я могла успешно заниматься, готовясь к концертам. Вообще я должна заметить, что внимание к нам было изумительное, куда бы мы ни приезжали...

В Шанхае мы побывали в музее писателя и революционера Лу Синя, познакомились со многими работниками искусств, посетили знаменитую Шанхайскую оперу, где видели спектакль «Бабочки-влюбленные», созданный по одному из рассказов Лу Синя.

Спектакль «Бабочки-влюбленные» замечательно оформлен, костюмы живописны в лучшем смысле этого слова, музыка очень мелодична.

Сюжет этого произведения напоминает «Ромео и Джульетту». В нем рассказывается о девушке, которая хотела учиться и, чтобы достичь своей цели, переоделась юношей и поступила в университет. Там она подружилась с юношей, которого горячо полюбила. Но он не знал, что друг его — девушка. Когда им пришла пора расставаться, она тщетно пыталась намекнуть ему, кто она такая. Он узнал об этом только впоследствии, когда она уже уехала. Юноша разыскивает свою подругу, но приходит слишком поздно: отец просватал ее за старика. Юноша умирает от горя, а девушка клянется умереть вместе с ним. И вот они снова появляются из земных глубин в виде двух прекрасных неразлучных мотыльков.

Все это необыкновенно трогательно и порой вызывает невольные слезы — так искренне, с такой верой в происходящее играют талантливые актрисы. Они бесподобны в «воображаемой обстановке», «с воображаемыми предметами». Вот герои идут по пустой сцене, но идут так, что вам кажется — перед вами ручьи, через которые они перепрыгивают, горы, которые они преодолевают. В финале актрисы, одетые в узкие, длинные золототканные одежды, блестяще имитируют мотыльков, — так легки и воздушны их движения.

Работники китайской сцены — артисты, танцовщицы, музыканты — питают огромный интерес к советскому искусству. Их многочисленные вопросы показали, что они прекрасно ориентируются в системе Станиславского, интересуются ее применением в балете, в частности, спрашивали меня, что дала мне система при работе над образом Джульетты и Тао Хао, что дал мне Китай для обогащения этой роли...

Они отлично знают, что идет у нас в театрах, расспрашивают об особенностях каждой постановки, но больше всего их волнует вопрос о сочетании нового и старого искусства, о том, как средствами искусства, в частности хореографического, раскрыть и донести до зрителя образ современного героя...

***

Шестого декабря, провожаемые сердечными напутствиями китайских товарищей, мы покидали эту великую страну, унося в своих сердцах образы ее замечательных людей — строителей своей прекрасной родины.